

A movie poster for 'The Terminator'. The image shows the T-800 robot, a large, metallic, humanoid figure, standing in a vast, arid desert landscape under a blue sky with scattered clouds. The robot's right arm is raised, and its left hand is extended towards the ground. In the foreground, a small, dark, rocky ridge runs across the frame. In the distance, a lone figure of a person in a blue jacket and a backpack is walking away from the viewer along a dirt path that leads towards the robot. The overall tone is ominous and dramatic.

Александр Восьмой

**Ужасы: Кости
Цивилизаций**

Александр Восьмой

Ужасы: Кости Цивилизаций

«Автор»

2026

Восьмой А.

Ужасы: Кости Цивилизаций / А. Восьмой — «Автор», 2026

Кости Цивилизаций. Археологи космоса находят останки древней цивилизации, разбросанные по всей галактике: это не руины, а гигантские кости существ, чей масштаб превосходит воображение. Изучая их, учёные понимают, что эти существа не просто вымерли — их уничтожили, и убийца до сих пор бродит среди звёзд, ожидая новой жертвы. Масштабная сага о следах титанов и ужасе, который их стёр.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Ужасы: Кости Цивилизаций

Глава 1. «Первый осколок»

Планета была мёртвой задолго до того, как на её орбиту вышел исследовательский корабль «Астра-Вектор». Серый, безжизненный шар висел в пустоте, будто забытый всеми богами космоса. Ни атмосферы, ни следов воды, ни намёка на жизнь — только пыль, камни и тишина, настолько плотная, что она давила на уши ещё до выхода из шлюза.

Когда капсула с экспедицией коснулась поверхности, пилот Лина вздрогнула: не от удара, а от ощущения, будто сама планета вздохнула под весом их корабля.

— Статика в эфире, — пробормотал радист Кай, щёлкая тумблерами. — Ни помех, ни фонового шума. Только... пустота. Как будто здесь даже радиоволны боятся звучать.

Капитан Эдан вышел первым. Его ботинки вдавились в серую пыль, и звук шагов отозвался не эхом, а чем-то странным — будто пространство проглотило звук и вернуло его с задержкой, словно отвечая.

— Не нравится мне это, — тихо сказала Лина, застёгивая шлем. — Здесь слишком тихо.

Они шли по каменистому плато, ориентируясь по сканерам. Данные с орбиты показывали аномалию: объект колоссальных размеров, скрытый под тонким слоем пыли и обломков. Сначала думали — застывший лавовый поток. Потом — древний метеоритный кратер. Но чем ближе они подходили, тем сильнее менялись показания приборов.

Сканер пискнул, и на экране вспыхнула кривая, которую никто не мог объяснить: плотность объекта не соответствовала ни одному известному материалу.

— Это не камень, — прошептал Кай, глядя на график. — Это... органика. Окаменевшая, но органика.

И тогда они увидели его.

Осколок поднимался из земли, как хребет забытого бога. Он уходил в небо, теряясь в дымке, и был настолько огромным, что мозг отказывался воспринимать его как единый объект. Сначала казалось, что это скалы, выстроенные в странном порядке. Потом — что это руины колоссального сооружения. Но когда луч прожектора скользнул по гладкой, изогнутой поверхности, стало ясно: это кость.

Не фрагмент, не обломок — целый сегмент чего-то невообразимо огромного. Его поверхность была покрыта бороздами, напоминающими кольца роста, и тонкими прожилками, будто когда-то по ним текла кровь.

Эдан приложил ладонь к поверхности — и вздрогнул.

— Что? — тут же спросила Лина.

— Чувствуете? — он не убрал руку. — Лёгкая вибрация. Как... пульс.

Кай поднёс датчик вплотную. На экране кривая пошла волнами — ровными, ритмичными.

— Это невозможно, — пробормотал он. — Кость должна быть мёртвой. Окаменелой. А это... это как будто она всё ещё жива. Или кто-то заставляет её звучать.

Лина провела лучом вдоль изгиба, и свет выхватил на поверхности странные узоры — не трещины, не эрозию, а линии, словно вырезанные чьей-то рукой. Или вытравленные изнутри. Они складывались в спирали, пересекались, уходили вглубь, терялись в тени.

— Это письмена, — выдохнул Кай. — Или... шрамы.

Эдан сделал шаг вперёд, вглядываясь в тёмную впадину у основания кости. Там, в глубине, что-то мерцало — не отражённый свет, а собственное слабое свечение, будто внутри кости тлел уголёк.

— Мы должны взять образцы, — твёрдо сказал капитан. — И записать всё. Каждый миллиметр.

Лина покосилась на него, потом снова на кость, которая казалась не просто огромной — она казалась... внимательной. Будто наблюдала.

— А если это не просто останки? — тихо спросила она. — Если это предупреждение?

Никто не ответил. Но в звенящей тишине планеты каждый услышал, как кость снова «вздохнула» — лёгкий, едва уловимый ритм, похожий на биение сердца, которое не должно биться.

И в этот момент сканер выдал новую аномалию: в глубине структуры, за слоями окаменевшей ткани, что-то двигалось. Медленно. Целенаправленно.

— Возвращаемся на корабль, — резко скомандовал Эдан. — Сейчас же.

Но было уже поздно.

Потому что кость больше не пульсировала. Она слушала.

Глава 2. «Язык титанов»

Лаборатория на борту «Астра-Вектора» всегда была местом, где тишина звучала как обещание открытия. Сейчас она звучала иначе — как предупреждение.

Образцы кости лежали на антигравитационных платформах, подсвеченные холодными лучами спектральных ламп. Их поверхность казалась живой: узоры на ней не просто изгибались — они будто дышали, меняя оттенки в такт невидимому ритму.

Лингвист Мира Танака склонилась над голографическим сканером, пальцы летали над сенсорной панелью, выстраивая цепочки символов. Её глаза горели тем особенным огнём, который появляется у учёных, когда они стоят на пороге чего-то великого — и смертельно опасного.

— Это не алфавит, — бормотала она, не отрывая взгляда от экрана. — Это не буквы. Это... следы. Как если бы кто-то вырезал смысл прямо в структуре материи.

Капитан Эдан стоял у стены, скрестив руки. Он не любил, когда наука начинала говорить загадками.

— Что значит «следы»? — сухо спросил он. — Нам нужны слова. Перевод. Хоть что-то, что можно произнести вслух и не сойти с ума.

Мира подняла на него взгляд, в котором читалось: «Ты не хочешь этого слышать».

— Я не могу перевести это как обычный текст, — тихо сказала она. — Эти знаки работают не через смысл, а через ощущение. Они бьют по подсознанию. Первые комбинации... они вызывают у меня чувство, будто за спиной кто-то стоит. И он не дышит.

Кай, радист и по совместительству ассистент Мира, нервно поправил наушники.

— У меня на панели опять скачки, — пробормотал он. — Как будто кто-то подкручивает частоты снаружи. Но снаружи — пустота.

На экране сканера символы медленно перестраивались. Мира запустила алгоритм сопоставления с базами древних языков, с математическими структурами, с биоритмами мозга. Ничего не совпадало.

И вдруг — щелчок. Один из символов на мгновение вспыхнул, как будто откликнулся.

— Есть! — выдохнула Мира. — Он... он признал запрос.

На голограмме появилась короткая последовательность. Система попыталась выдать перевод — и выдала нечто странное, почти бессмысленное: «Не буди то, что спит».

Эдан нахмурился.

— Это фраза? Или ошибка алгоритма?

Мира покачала головой.

— Не ошибка. Это... интонация. В этих знаках есть эмоция. Эта фраза не просто передаёт смысл — она передаёт страх. Тот, кто это оставил, боялся того, что здесь спит. И хотел, чтобы никто никогда не разбудил это.

Лина, стоявшая у двери, вдруг вздрогнула.

— Вы слышали? — прошептала она.

Все замерли. В коридоре что-то проскрежетало — не металл о металл, а будто камень тёрся о камень. Только в корабле не было камня.

— Это вентиляция, — быстро сказал Кай, но сам не верил своим словам.

Мира снова склонилась над сканером. Она хотела стереть последовательность, закрыть файл, спрятать это предупреждение обратно в темноту данных. Но символы не исчезали. Они начали двигаться.

— Они меняются, — её голос дрогнул. — Они реагируют. Как будто читают меня.

На панели вспыхнули новые комбинации. Алгоритм попытался выдать перевод — и на этот раз выдал не фразу, а образ: вспышка света, волна тьмы, крик, который не имеет звука.

— Отключай всё, — резко скомандовал Эдан. — Немедленно.

Но Кай не успел дотянуться до рубильника.

Приборы один за другим начали сходиться с ума: осциллографы показывали несуществующие волны, термометры фиксировали падение температуры до значений, невозможных в герметичной лаборатории, а голографический проектор вдруг выдал изображение, которого никто не загружал: гигантский силуэт, заслоняющий собой звёзды.

Мира отшатнулась, и в этот момент тень в углу комнаты шевельнулась. Не в такт её движению. Не в такт ничему. Она двигалась сама по себе — медленно, уверенно, будто проверяя, заметили ли её.

Лина схватилась за фонарь и направила луч в угол. Тени там не было. Но на стене остался след — тёмное пятно, похожее на отпечаток огромной ладони.

— Мы не должны были трогать это, — прошептала Мира. — Мы не должны были пытаться понять.

Эдан посмотрел на образцы кости, которые теперь едва заметно светились изнутри. Холодный, мертвенный свет пробивался сквозь узоры, и казалось, что сами линии на поверхности стали чётче, словно кто-то или что-то усиливало их, чтобы быть услышанным.

— Запечатать лабораторию, — приказал капитан. — Образцы изолировать. Никаких исследований до тех пор, пока не получим одобрение с базы.

— А если они не поймут? — тихо спросила Лина. — Если для них это будет просто камень с рисунками?

— Тогда мы будем единственными, кто знает, что эти рисунки кричат, — мрачно ответил Эдан.

В коридоре снова что-то скрипнуло. На этот раз ближе.

И в звенящей тишине корабля все услышали то, чего не должно было быть: тихий, едва уловимый ритм, похожий на биение сердца. Только сердце это было огромным — таким огромным, что вибрировал сам каркас «Астра-Вектора».

Кость говорила. И теперь она знала, что её слышали.

Глава 3. «Острова из рёбер»

Переход через гиперпространство всегда был похож на падение в чёрную бездну, где время теряет смысл, а сознание цепляется за последние обрывки реальности. Но когда «Астра-Вектор» вынырнул в системе Эпсилон-Тау, даже привычный холод космоса показался тёплым и уютным по сравнению с тем, что ждало их впереди.

— Вывожу данные на главный экран, — голос Кая звучал напряжённо, будто он боялся, что сам звук может что-то разбудить.

На панорамном дисплее вспыхнула картина, не поддающаяся здравому смыслу. В пустоте висели острова. Но не из камня, не из льда, не из металла — из костей. Гигантские рёбра, изогнутые, как волны из иного мира, сплетались в арки, пронзали пространство, уходили в темноту, теряясь за пределами видимости. Позвонки размером с города нанизывались на невидимые оси, образуя лабиринты коридоров, по которым никогда не ступала нога человека.

Лина прижала ладонь к стеклу иллюминатора, будто хотела убедиться, что это не галлюцинация.

— Это кладбище, — прошептала она. — Но не как у нас. Не ряды плит. Это... монумент из смерти.

Эдан молча смотрел на данные сканеров. Показатели плотности, температуры, радиации не укладывались ни в одну модель. А ещё — свет. Слабое, пульсирующее свечение, пробивавшееся изнутри костей, словно в этих окаменевших останках до сих пор теплилась чужая жизнь.

— Это невозможно, — бормотал Кай, щёлкая переключателями. — Костная ткань не должна излучать в этом спектре. Это не распад, не радиация... это как будто... дыхание.

Мира не отрывала взгляда от экрана, где алгоритм пытался сопоставить увиденное с известными структурами.

— Они не разбросаны хаотично, — тихо сказала она. — Смотрите: рёбра образуют концентрические слои. Позвонки выстроены по спирали. Это не просто останки. Это конструкция. Ловушка. Или... маяк.

Эдан стиснул зубы.

— Маяк для кого?

Мира не ответила. Она знала, что ответ им не понравится.

Корабль медленно дрейфовал вдоль одного из «островов». Расстояние в сотни километров не уменьшало ужаса — напротив, оно подчёркивало масштаб. Когда луч прожектора скользнул по поверхности гигантского ребра, стали видны детали: бороздки, похожие на следы когтей, глубокие трещины, в которых мерцал тот самый странный свет, и снова — узоры. Они покрывали каждую кость, как шрамы, как письма, как проклятие, выжженное в материи.

— Хочу взять пробы, — сказал Эдан, хотя в голосе его уже не было прежней уверенности. — Нужно понять, с чем мы имеем дело.

Лина покосилась на него.

— А если это не «что», а «кто»? Если эти кости — не просто останки, а... контейнер?

Никто не ответил. Но все подумали об одном и том же: о фразе, которую расшифровала Мира: «Не буди то, что спит».

Капсула с экипажем отделилась от корабля и пошла на сближение с одним из сегментов «острова». По мере приближения масштаб только усиливался. То, что издалика казалось изгибом, вблизи превращалось в арку, под которой мог бы пройти целый флот. То, что выглядело как трещина, оказалось расщелиной, в которую можно было завести крейсер.

Когда капсула коснулась поверхности, вибрация прошла сквозь корпус и отдалась в костях самих исследователей. На мгновение показалось, что кость «ответила» — лёгким, едва уловимым толчком, будто вздохнула.

— Мы на месте, — голос Лины дрожал, но она старалась держать тон ровным. — Начиная сбор образцов.

Они вышли наружу. Скафандры пищали, предупреждая о странных аномалиях: магнитные поля менялись без причины, гравитация слегка «плавала», а датчики движения фиксировали что-то, чего не было видно на камерах.

Кай взял пробу с поверхности кости. Инструмент вошёл в материал с непривычным сопротивлением — не как в камень, а как в плотную, упругую ткань. И в тот момент, когда образец был извлечён, из разреза на мгновение вырвалось слабое свечение, тут же погасшее.

— Зафиксировано, — прошептал Кай. — Это... органика. Окаменевшая, но живая. Как будто она ждёт.

Мира рассматривала узоры вблизи. Теперь она видела не просто линии — она видела структуру. Каждый завиток был частью огромной схемы, которая повторялась на всех костях, сплетаясь в единый узор, охватывающий весь «остров».

— Это карта, — вдруг сказала она. — Или... хроника. Здесь записано всё: как они жили, как умирали... и кто их убил.

Эдан посмотрел на неё.

— Ты можешь прочесть?

Мира покачала головой.

— Не сейчас. Но я чувствую... оно смотрит на нас. Не глазами. А всем этим местом.

В этот момент панорамные камеры капсулы показали нечто, от чего кровь стыла в жилах. В глубине «острова», в самом его центре, что-то шевельнулось. Не тень, не отражение — а изменение самой структуры пространства. Как будто гигантская фигура на мгновение проявилась в переплетении костей, а потом исчезла, оставив после себя лишь ощущение чужого взгляда.

— Возвращаемся, — резко скомандовал Эдан. — Сейчас же.

Но капсула не отозвалась. Системы мигнули, экраны погасли на секунду, а когда загорелись снова, курс был уже не тем. Автопилот пытался развернуть их... внутрь «острова».

— Что происходит?! — крикнул Кай, лихорадочно щёлкая тумблерами.

— Нас ведут, — тихо сказала Мира. — Эти кости... они не просто лежат здесь. Они работают. И мы только что дали им сигнал.

«Астра-Вектор» на орбите тоже не отвечал. Связь пропала. Сканеры показывали пустоту там, где должен был быть корабль.

А потом кости снова «вздохнули». И на этот раз звук был не тихим. Он был оглушительным — как крик, который не имеет голоса, но проникает прямо в кости, в кровь, в самую суть человека.

Команда замерла, глядя друг на друга. В их глазах читалось одно и то же понимание: они не первые, кто пришёл сюда. И, возможно, не последние. Но точно — они те, кто разбудил то, что должно было спать вечно.

И где-то в глубине «островов из рёбер» что-то ответило на их присутствие. Тихо. Спокойно. И очень, очень опасно.

Глава 4. «Тени в костном лабиринте»

Спуск в лабиринт был похож на падение в сон, где законы физики — лишь смутное воспоминание, которое постепенно стирается. Капсула пробивала себе путь сквозь переплетение гигантских костей, и каждый изгиб, каждый поворот казался не просто формой, а намеренным жестом — словно лабиринт сам решал, куда пустить непрошенных гостей.

Когда шлюз открылся, команда вышла в пространство, которое не имело права существовать. Коридоры из рёбер уходили вверх, вниз, в стороны — и одновременно никуда. Стены дышали: не буквально, но их поверхность то слегка набухала, то сжималась, будто под окаменевшей коркой всё ещё текла древняя жизнь. Свет фонарей выхватывал узоры, которые не могли быть случайными: они сплетались в спирали, повторяли друг друга на разных уровнях, создавали иллюзию бесконечного повторения — как будто лабиринт показывал им одно и то же место, только под разными углами.

— Это невозможно, — бормотал Кай, глядя на показания навигатора. — Мы прошли двести метров по прямой, а система говорит, что мы на том же месте, откуда стартовали.

Лина провела лучом фонаря по стене, и свет скользнул по гладкой поверхности, не оставляя следов.

— Здесь нет пыли, — тихо сказала она. — Ни крошки. Как будто это место... убирает за собой.

Эдан смотрел на карту, которая теперь выглядела как бессмысленный набор линий.

— Держимся вместе, — приказал он. — Ни на шаг не отходить. Если кто-то потеряется — сразу сигнал.

Но даже эти слова, едва сорвавшись с губ, изменились. Эхо подхватило фразу и вернуло её с искажением: «...не отходить... не отходить... не будить...»

Мира вздрогнула.

— Слышите? — прошептала она. — Оно подменяет слова.

И действительно, стоило кому-то произнести фразу, как лабиринт будто переиначивал её, добавляя новые смыслы, вытаскивая наружу страхи.

Они шли дальше. Пространство продолжало играть с ними. То коридор сужался до такой степени, что приходилось протискиваться боком, то внезапно расширялся, открывая залы, в которых могли бы поместиться целые города. В одном из таких залов они остановились, чтобы перевести дух.

Гигантские позвонки, нанизанные друг на друга, образовывали колонны, уходящие в темноту. Между ними висели тонкие нити — не паутина, а что-то похожее на окаменевшие жилы, пронизывающие весь лабиринт. В центре зала лежал обломок кости, на котором узоры складывались в изображение, напоминающее глаз — огромный, мёртвый, но будто всё ещё способный видеть.

Кай подошёл ближе, чтобы сделать снимок.

— Не надо, — резко сказала Мира, но было поздно.

Вспышка камеры на мгновение осветила зал — и в этот миг тени, до того неподвижные, шевельнулись. Не как отражения, не как игра света, а как самостоятельные сущности: они оторвались от стен, скользнули по полу, обвили колонны и снова растворились, оставив после себя лишь ощущение чужого присутствия.

— Что это было? — голос Лины дрожал.

Никто не ответил. Потому что в этот момент пропал Кай.

Он стоял в трёх шагах от Лины, щёлкал камерой, бормотал что-то про спектры и вдруг — исчез. Не шагнул в тень, не упал, не был утащен. Просто перестал существовать в этом пространстве. На его месте осталась только лёгкая рябь в воздухе, как над раскалённым камнем, и эхо, которое ещё несколько секунд повторяло его последнюю фразу: «...спектр... спектр... спит...»

— Кай! — крикнула Лина, и её крик разлетелся на десятки голосов, каждый из которых звучал чуть иначе, будто лабиринт пробовал интонацию на вкус.

— Спокойно, — Эдан пытался сохранить хладнокровие, но в его голосе уже слышалась паника. — Включаем маяки. Ищем по сигналам.

Маяки молчали. Навигационные системы показывали пустоту там, где должен был быть Кай. Даже тепловизоры не фиксировали его присутствия. Как будто он не просто пропал — его стёрли из реальности.

Мира смотрела на узоры, которые теперь казались не письменами, а ловушками.

— Он не ушёл, — тихо сказала она. — Его забрали. Это место... оно не любит гостей. Оно хочет, чтобы мы стали частью узора.

Эхо снова подхватило её слова и вернуло их в искажённом виде: «...частью... частью... не буди...»

Лина схватила Эдана за рукав.

— Мы должны уйти. Сейчас. Пока оно не решило забрать кого-то ещё.

Капитан колебался всего секунду. Но этой секунды хватило, чтобы пространство вокруг них изменилось. Коридор, по которому они пришли, исчез. На его месте теперь была стена из плотно пригнанных костей, без единого шва, без намёка на проход.

— Где выход? — Лина металась взглядом по стенам, но не находила ни дверей, ни арок, ни даже трещин.

— Его здесь нет, — прошептала Мира. — Или он там, где мы не хотим его видеть.

В этот момент из глубины лабиринта донёсся звук, от которого кровь стыла в жилах: не крик, не вой, а низкий, вибрирующий гул, который шёл не извне, а изнутри самих костей. Он проникал сквозь скафандры, сквозь кожу, сквозь кости, заставляя сердце биться в такт с этим чужим ритмом.

— Оно слушает, — сказала Мира. — И теперь оно знает, что мы здесь.

Тени снова шевельнулись. На этот раз они не растворились. Они собрались в фигуры — нечёткие, размытые, но пугающе знакомые: силуэты людей, которых никто из команды не узнавал... и одновременно узнавал слишком хорошо. Тени стояли неподвижно, наблюдая, и в их очертаниях было что-то от тех, кто когда-то уже приходил сюда и не вернулся.

Эдан достал сигнальный маяк и активировал его на максимальной мощности. Вспышка света на мгновение разогнала тени, но когда свет погас, они вернулись — уже ближе.

— Держитесь за меня, — скомандовал капитан. — Двигаемся вперёд. Любой ценой.

Они пошли, не зная, куда ведут их ноги, не доверяя ни картам, ни компасам, ни даже собственным глазам. Потому что теперь они поняли: в этом лабиринте самое страшное — не то, что прячется в темноте. Самое страшное — то, что лабиринт заставляет их видеть то, чего нет... и не видеть того, что есть.

А где-то в глубине, за слоями костей и искажённого пространства, что-то ждало. Не спеша. Терпеливо. И очень, очень внимательно.

Глава 5. «Кровь в порах»

Лаборатория «Астра-Вектора» всегда была островком порядка посреди космической пустоты: ровные ряды приборов, стерильная белизна панелей, тихий гул систем жизнеобеспечения, который звучал как обещание безопасности. Но теперь тишина стала чужой — она звенела, будто натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.

Образцы кости, привезённые из лабиринта, лежали в герметичных капсулах, окружённые датчиками, которые фиксировали всё: температуру, плотность, магнитное поле, радиационный фон. Но ни один из этих приборов не мог объяснить того, что происходило внутри.

Мира склонилась над микроскопом, её пальцы едва заметно дрожали, когда она регулировала фокус. На экране вспыхивали структуры, не поддающиеся привычной логике: поры, похожие на тончайшие капилляры; волокна, сплетавшиеся в узоры, напоминающие нервные сети; и в глубине — то, что заставило её задержать дыхание.

— Эдан, посмотри, — её голос прозвучал непривычно тихо, будто она боялась спугнуть то, что видела. — Это не окаменелость. В порах... там что-то есть.

Капитан подошёл, стараясь не выдать тревоги. Он привык доверять цифрам, а не ощущениям, но сейчас цифры говорили вещи, в которые не хотелось верить.

На экране мелькали кадры: капля органической жидкости, извлечённая из пор, медленно пульсировала, словно живая. Она не растекалась, не испарялась — она «слушала». Когда Мира включила ультрафиолетовую подсветку, капля на мгновение вспыхнула, как будто ответила. Когда Кай тихо произнёс слово, она дрогнула, меняя форму, будто пыталась повторить звук.

— Это невозможно, — пробормотал Кай, глядя на графики, где кривая биоактивности взлетала без всякой причины. — Эта субстанция не должна реагировать на звук. Она должна быть мёртвой. Окаменевшей.

Но она не была мёртвой. Она была... ждущей.

Лина стояла у окна лаборатории, вглядываясь в черноту космоса, будто надеялась увидеть там объяснение.

— Мне снился один и тот же сон, — вдруг сказала она, не оборачиваясь. — Каждую ночь. Один и тот же. Огромный силуэт в темноте. Он не двигался. Просто смотрел. И я знала, что он знает обо мне всё.

Мира подняла на неё глаза.

— Мне тоже, — прошептала она. — Я думала, это просто стресс. Перегрузка. Но... он был там. В каждом сне. Как будто мы все видели одно и то же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.